

УДК 327

Хозяйственное освоение сибирской территории: уроки истории

Г.П. Власов

Братский государственный университет, ул. Макаренко 40, Братск, Россия
vlasovgp@br.ru

Статья поступила 29.09.2014, принята 18.11.2014

Раскрываются исторические уроки по вовлечению сибирской территории в состав российского государства. Показана роль государства в миролюбивой цивилизационной интеграции народов региона в социально-экономическую жизнь страны. Важное место отведено геополитическим и геостратегическим аспектам роли и места Сибири в современном мире.

Ключевые слова: Сибирь; геополитика; исторические уроки; социально-экономические процессы; миграционная политика; демография; население; евразийство.

Property development of Siberian territory: lessons of history

G.P. Vlasov

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia
vlasovgp@br.ru

Received 29.09.2014, accepted 18.11.2014

Lessons of history on integrating Siberian territory into the Russian state have been presented. The role of the state in a peaceful civilized integration of the inhabitants into social and economic life of the country has been demonstrated. An important place has been given to geopolitical and geostrategic aspects of the role and place of Siberia in the modern world.

Key words: Siberia; geopolitics; lessons of history; social and economic processes; migration politics; demography

«История ничему не учит, она только наказывает за невыученные уроки», — говорил В.О. Ключевский. И он, безусловно, был прав.

Уроки заключаются в следующем.

Во-первых, новые индустриальные центры Сибири создавались в рамках государственных программ и планов социально-экономического развития СССР по индустриализации страны, главными задачами которой было не столько заселение территории региона, сколько освоение его природных ресурсов для успешного развития экономики. Поэтому роль государства в данном процессе была определяющей.

Исторический опыт показывает, что возникновение и развитие молодых городов позволяло решать ряд политических и экономических задач. За 40 лет страна по уров-

ню индустриализации стала второй державой после США, причем значительную долю в общем объеме промышленного производства занимали показатели новых городов. С 1926 по 1989 гг. было создано более 2 000 новых городов и поселков городского типа (включая г. Братск), преобразованы в городские поселения 1 700 сел, станиц, аулов и деревень [1].

Во-вторых, представляя собой, особенно в начальный период своего формирования, относительно замкнутые системы, развивающиеся по своим особым законам, города возникали при определенных обстоятельствах, в определенном месте, в короткие исторические сроки и имели отличительные черты. И самые высокие показатели были в тех регионах (включая Иркутскую область),

где интенсивное освоение природных ресурсов сопровождалось строительством новых городов.

В-третьих, общие цели и задачи как в производственной, так и прочих сферах деятельности в значительной степени объединяли и сплачивали население новых городов, которые, несмотря на активное движение, значительные прямые и обратные миграционные потоки, представляли собой единые социальные сообщества.

В-четвертых, население новых индустриальных городов формировалось в основном за счет мигрантов, прибывавших из различных районов страны и отличавшихся по культурному, профессиональному и образовательному уровню. В обычных условиях городская среда формируется десятилетиями, постепенно приспособляясь для нужд населения. В новых городах история не давала такого шанса. Общественное предназначение требовало быстрых и очень интенсивных изменений, которые должны были происходить форсировано, чтобы в короткие сроки получить необходимые обществу результаты.

В-пятых, районы нового освоения, как правило, были малонаселенными и отличались неразвитостью транспортной, экономической и социокультурной инфраструктуры, и чтобы организовать в данных условиях крупное энергетическое или промышленное строительство, необходимо было разработать целую систему мероприятий государственной миграционной политики, с помощью которой происходила мобилизация значительного контингента для переселения в Сибирь. На наш взгляд, в нынешних условиях необходимо использовать богатейший опыт агитации и пропаганды, накопленный советской системой еще в годы первых пятилеток и послевоенного восстановления.

Второй урок — использование предыдущего опыта. Оценивая в целом дореволюционный период развития Сибири и формирования на этой основе территориального народонаселения, следует в первую очередь отметить грандиозность и успешную реализацию государственных инвестиционных проектов.

Планы строительства железнодорожных магистралей потрясают даже современных специалистов. К действующему Транссибу планировалось присоединить Южсиб, который к 1920-м гг. должен был связать европейскую часть России с Туркестаном. В 1909 г. специальная комиссия признала прокладку Южно-Сибирской железной дороги крайне необходимой. Строительство было начато, но из-за событий 1917 г. растянулось на долгие полвека.

В тот же период планировалась еще одна уникальная магистраль, Обь-Беломорская. Предполагалось, что она соединит бассейн реки Оби с незамерзающими портами на Баренцевом море. Это обеспечило бы сибирским товарам кратчайший выход на внешний рынок. Планировалось также построить дорогу, соединяющую Сибирь с Якутией, был проект Сибирско-Монгольской железной дороги.

В общей сложности к 30-м гг. XX в. за Уралом предполагалось проложить 6 000 км железнодорожных путей, и на это отводилось всего 10 лет (600 км в год). Можно не сомневаться, что все грандиозные планы были бы выполнены [2].

Крупным достижением Советской власти в деле социокультурной адаптации населения новых индустриальных центров являются разработка и дальнейшая реализация системы мер, направленных на создание нормальных жизненных условий для населения. Среди них получение легковых автомобилей по чекам, выделение крупных вложений для жилищно-бытового, социально-культурного строительства.

Формирование и заселение новых индустриальных центров Сибири являлось неоспоримым достижением Советской власти в ходе модернизационных процессов страны. Каждый новый город представлял собой особое социокультурное явление, которое было специфическим как вид пространственной организации населения в новых индустриальных районах Сибири. Со временем он, как правило, превращался из поселения при промышленном предприятии в крупный административно-экономический и культурный центр, аккумулирующий и интегрирующий всю общественную жизнь определенной территории. Индустриаль-

ные города выдержали испытание временем и доказали свою социальную значимость.

Социокультурная адаптация населения развивалась поэтапно. Она, с одной стороны, происходила как процесс, имеющий свои отличительные черты, а с другой стороны, проявлялась как результат, приведший к созданию новой социокультурной реальности. Созданные новые города как результат целенаправленной и специфической государственной политики в короткие сроки достойно выдержали испытание временем и доказали свою социальную значимость.

Оценивая в целом советский период демографического развития Сибири, следует признать, что он характеризовался высокими темпами прироста населения, формированием большого числа новых городов, поселений, созданием благоприятных условий для проживания и закрепления в них населения, обеспечивающих выполнение планов модернизационного развития.

С одной стороны, это проявление общероссийских и общемировых перемен, свойственное промышленно развитым странам и регионам, имеющим высокую долю городского населения.

С другой стороны, это достижение административно-плановой экономики, основополагающим принципом которой являлись приоритет планирования и прогнозирования потребностей в трудовых ресурсах новых районов освоения и строгое выполнение поставленных целей за счет факторов мобилизационной экономики.

Важно, что советское руководство, сохраняя преемственность царского периода, осуществляло стратегию постепенного перемещения центра тяжести экономического, социально-политического и геополитического потенциала в сторону Урала, Сибири и Дальнего Востока. Освоение и заселение восточных районов страны рассматривалось в качестве надежного резерва, способного обеспечить России статуса великой державы.

Третий урок заключается в том, что социально-экономические процессы, происходящие сегодня, должны учитывать модернизационный опыт прошлого и осуществляться во многом на государственно-державной основе.

На наш взгляд, здесь необходимо прежде

всего преодолеть ресурсную ориентацию как страны в целом, так и ее регионов. Это догоняющая экономика, которая никогда не выйдет на передовые позиции. Ориентация только на сырьевые ресурсы порочна, и кризис, в котором мы оказались, ярко выявил это. Обозначились и внешние, и внутренние проблемы, а отсюда видно, насколько наша экономика неповоротлива и энергоемка. Ее инновационная составляющая практически нулевая, 4 % инноваций — это мизер, а кроме того, криминализация достигла огромных размеров.

Не является ли парадоксом то обстоятельство, что, продавая Западу и Китаю углеводороды, мы сами сидим на голодном пайке? Ведь Европа, США, Япония почти полностью газифицированы, а в Сибири (особенно в ее новых районах) потребление газа все еще в зачаточном состоянии.

Несомненно, надо более эффективно хозяйствовать. Надо делать рывок в высокотехнологичных отраслях.

На долю России приходится 22 % площади мировых лесов, в том числе около 50 % наиболее ценных хвойных пород [3]. Россия может быть мировым лидером в производстве лесобумажной продукции, но мы имеем от леса наименьшую прибыль, поскольку «гоним» на экспорт только кругляк, а нужна глубокая переработка древесины. Если бы мы вышли на уровень Финляндии по переработке, то могли бы получать от экспорта лесопродукции 450 млрд дол. Но даже половинный уровень в 250 млрд — это как раз столько, сколько мы получаем за нефть.

Мы имеем 40 % углеводородных ресурсов мира — и всего 6 газоперерабатывающих заводов плюс всего один завод по извлечению гелия. А ведь гелий значительно дороже подаваемого «через трубу» газа! Наше Ковыктинское месторождение, например, очень богато гелием, этанолом и другими фракциями углеводородов, но газ у нас, как и лес-кругляк, продается очень дешево.

Кроме того, газ — это не только топливо, но и сырье для химической промышленности и производства широкой гаммы полимерной продукции. Одни только полимерные трубы, вытесняющие металлические, приводят к увеличению выручки в 4–5 раз в

сравнении с продажей тысячи кубометров сырого газа [4].

Говоря о недалеком от нас Ковыктинском месторождении — спрашивается, почему мы должны гнать в Китай эффективный ресурс, необходимый для более динамичного развития химического комплекса в новых районах освоения Восточной Сибири?

В отношении миграционной политики, на наш взгляд, наступило время, когда на смену стихийному характеру миграционных процессов иностранной рабочей силы на территории России должен прийти регулируемый, легализованный, основанный на четкой правовой основе характер перемещений. Основными ограничителями приема иммигрантов должны стать не административные ограничения и разного рода запреты на въезд, а регулируемые масштабы спроса на рабочую силу, которая должна стать инструментом развития региона. Если Сибирь, в соответствии со стратегией социально-экономического развития, в будущем рассматривать не только как район с высоким природно-ресурсным потенциалом, но и как полигон для размещения высокотехнологичных наукоемких производств, то решение этих задач потребует привлечения большого числа специалистов самых разных областей знаний.

Миграционная политика может быть эффективной только тогда, когда она не входит в противоречие с экономическими интересами. В контексте развития партнерских отношений России с Китаем необходимость подъема экономики совершенно очевидна. Становится очевидным и сотрудничество с Китаем на постоянной основе, однако особенно острым является вопрос о предоставлении китайцем земли в длительное пользование и возникновении в связи с этим «китайских деревень». Позиция по этому поводу в регионах, за редким исключением, единодушная — не допускать этого! Тем более что параллельно возлагаются малообоснованные надежды на переселение сельскохозяйственного населения внутри страны или на привлечение русских из бывших советских республик. Даже малоутешительный многолетний опыт организации таких переселений в СССР не убеждает нас в том, что эти надежды иллюзорны, тем более в современных экономических условиях.

Нет никаких оснований полагать, что сколько-нибудь значительное число жителей городов захотят ехать в сельскую местность. Но даже если и найдутся такие желающие, остаются сомнения в том, что они предпочтут Забайкалье и Дальний Восток более благоприятным для жизни европейским районам России, где также предоставлено достаточно пустующих земель. В нынешних обстоятельствах у китайцев попросту нет конкурентов в освоении наших восточных земель. Если Россия не согласится на определенных условиях предоставить землю китайцам, ее некому будет осваивать вообще. Кроме того, следует иметь в виду, что, по видимому, выгоднее производить продовольствие на своей территории, пусть и с помощью иммигрантов, чем завозить продукты из-за рубежа и находиться в зависимости от внешнего продавца. Альтернативы этому, к сожалению, нет.

На наш взгляд, сегодня китайским руководством, опираясь на комплексную мощь своей страны, осуществляется привязка восточных регионов РФ к китайской экономике и изменение демографической ситуации в этих регионах с помощью миграции. И здесь, к сожалению, китайская миграция не в интересах России и не под контролем России, а в интересах Китая и под контролем Китая.

Таким образом, угроза китайской экспансии существует объективно, но так же объективно существует и необходимость китайской иммиграции в Россию. Поэтому вопрос должен быть не в том, как предотвратить, а в том, как организовать китайскую иммиграцию и наладить совместное проживание переселенцев с российским населением. Стратегию отношений с Китаем необходимо строить с позиций XXI в., а не вчерашнего дня, не пытаясь отгородиться от объективной реальности с помощью изоляционистской политики. К середине нового столетия китайцы в России могут стать вторым по численности народом, расселенным по всей ее территории. В отношении привлечения иностранного капитала необходимо широкое сотрудничество с такими азиатскими гигантами как Китай и Индия, не забывая про Японию и Южную Корею.

Эту точку зрения также активно развивал ректор Байкальского университета эконо-

мики и права, доктор экономических наук, профессор М. Винокуров [5].

С КНР и Японией необходимо заключить договоры о совместных проектах на сумму не менее триллиона долларов США с каждой. В первую очередь это инфраструктурные проекты. Нужны скоростная трансконтинентальная железная дорога, многополосные автобаны. Несколько таких дорог проложить с севера Сибири до юга Китая. Инфраструктурные проекты можно осуществлять на правах долевой собственности, и не надо бояться, что дороги или предприятия будут принадлежать иностранному капиталу. Это общемировая практика. Дороги, связь, жилищное строительство — все это можно сделать, гораздо эффективнее сотрудничая с Китаем. Китай, имея свой опыт строительства железной дороги в Тибете, мог бы нам построить новый, скоростной Транссиб, тем более что Китаю будет выгоднее вложить свободные средства в свою собственность в Сибири и на Дальнем Востоке, чем держать их в американских ценных бумагах.

Для того чтобы привлечь зарубежный капитал, надо пойти на предоставление существенных преференций для зарубежных компаний. Эти компании построят предприятия на нашей территории, будут платить налоги и осваивать нашу территорию и, наконец, там будут работать наши люди.

При реализации этой стратегии у страны появится возможность найти свою специализацию в глобальной экономике исходя из наших естественных преимуществ. А именно, через 20 лет перерабатывать у себя всю нефть и газ, производить около 6–8 млн автомобилей, выпускать основные виды авиалайнеров, выращивать злаковые не менее 1–1,5 т на человека, строить не менее 1–1,5 м² жилья на человека в год.

В лице Японии мы должны получить также доброго соседа и надежного экономического партнера. При рассмотрении вопросов сотрудничества с этой страной неизбежно встает проблема «северных территорий». Решить ее можно путем торговой сделки, выведя ее из сферы политики. А именно — продать их на основе рыночной платы при условии, что эти средства Япония вкладывает в течение 5–7 лет в программу развития Сибири и Дальнего Востока, которая не имеет

сейчас достаточного финансирования. И только после этого провести фактическую передачу островов. Самой Японии это будет выгодно — иметь реальные территории в отличие от американских ценных бумаг (которые в любой момент могут оказаться фантиками) [6].

Мы согласны с такой постановкой вопроса. Никакого предательства здесь нет. Можем оказаться и без спорных территорий, и без платы за них. Более того, нерешенность территориального спора с Японией сейчас выгодна США и Европе, ибо сдерживает сближение России и Японии.

Для изыскания финансовых ресурсов и ускоренного подъема экономики России надо использовать все рычаги, вплоть до сдачи части земель в концессию или аренду, например, таких, как остров Врангель или часть Новосибирских островов, Северной Земли. Таким образом можно подключить и Китай, и Японию к интенсивному освоению Северного морского пути, а также северных территорий Сибири и шельфа Северного Ледовитого океана [16].

Широкое использование иностранного капитала (в первую и главную очередь, крупнейших стран Юго-Восточной Азии) в перспективе может способствовать ускоренному развитию производительных сил страны и сибирского региона. Вместе с тем, необходимо проявлять осторожность, взвешенность и сбалансированность в усилиях российского руководства и его региональных структур в работе с иностранным капиталом.

Нам представляется, что эта стратегия должна быть тесно увязана с реализацией второго варианта — сохранение России как государства с исторически сложившимся этносом. Этот путь потребует, несомненно, проявление огромной политической воли, больших финансовых затрат и немалых сроков.

Важным является вопрос о состоянии и перспективах развития сибирских территорий.

Будем говорить прямо, современная Россия, ее регион Сибирь находятся в глубочайшем демографическом кризисе. Его наличие и углубление грозит потерей геополитического положения страны. Также совершенно очевидна недостаточность демографического потенциала Сибири для соз-

дания развитой экономической и поселенческой структуры, освоения имеющихся здесь природных ресурсов.

С позиций виктимологии определенные свойства страны делают ее притягательной для агрессора. Действительно, степень притязания соседних государств на территорию страны возрастает по мере ее обезлюдения, особенно если она богата природными ресурсами. Сибирь и Дальний Восток как раз являются обширными малозаселенными территориями с богатейшими природными ресурсами, ценность которых на современном этапе мирового развития стремительно возрастает. Немаловажно, что основные районы добычи нефти и газа в Сибири находятся на расстоянии нескольких тысяч километров от центра страны. Это обстоятельство в геополитическом аспекте весьма невыгодно отличает Россию от других нефтедобывающих государств Саудовской Аравии, Нигерии, Венесуэлы, Ирана, в которых районы нефтедобычи расположены близко к центральным районам, что затрудняет их отторжение.

Согласно многочисленным прогнозам, в XXI в. произойдет резкое сокращение и даже исчерпание многих природных ресурсов. Весьма симптоматично заявление бывшего директора Национальной разведки США Денниса Блэра, сделанное в сенате США в ноябре 2009 г., о том, что скоро самым ценным товаром на планете станет вода, и за пресные источники уже лет через двадцать развернется ожесточенная борьба. Напомним в этой связи, что в расположенном в Восточной Сибири озере Байкал запасы питьевой воды высочайшего качества составляют порядка 500 годовых объемов потребления воды всем человечеством на уровне 2005 г.

Учитывая, что борьба за ресурсы будет обостряться, демографический фактор может быть использован в качестве одного из наиболее весомых аргументов. Не случайно в западной геополитологии сформировалась так называемая концепция «Terra Norris», согласно которой к «линейным» относят территории, где плотность населения составляет менее 5 чел. на 1 км². Напомним, что средняя плотность населения (количест-

во человек на квадратный километр территории) составляет в Красноярском крае 1,2, Иркутской области — 3,3, Республике Бурятия — 2,7, Забайкальском крае — 2,6, Амурской области — 2,4, Хабаровском крае — 1,8.

Примечательно, что в 1990-е гг., т. е. именно тогда, когда наша страна оказалась в тяжелой социально-экономической ситуации и произошло ее резкое ослабление как субъекта геополитики, возникло более тридцати разных проектов и концепций дезинтеграции России, предусматривающих главным образом отторжение или получение контроля над территориями Восточной Сибири и Дальнего Востока. В качестве примеров можно привести проект аннексии Сибири и Дальнего Востока Соединенными Штатами Америки или вариант «мягкого» отторжения ряда восточных территорий России несколькими «центрами силы», согласно которому Магаданская область, Чукотка и Камчатка перейдут под юрисдикцию США, Сахалин с Курильскими островами отойдет к Японии, а так называемая Дальневосточная республика (включающая участки территорий Байкальского региона, Амурской области, Хабаровского и Приморского краев) перейдет под опеку США, Японии и Южной Кореи [7].

Становится вполне очевидным, что освоение (в том числе демографическое) Сибири как будущей опоры государства невозможно без смены парадигмы в отношении приоритетов развития. Не Европа, а Сибирь вместе с Дальним Востоком должны стать главным вектором во внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации России.

Необходимо также формирование новой идеологии образа жизни, который должен включать в себя формирование в сознании населения ценностей здоровья, семьи, рождения и воспитания детей, неразрывности связи поколений, преодоление социальной терпимости и двойных стандартов по отношению к курению, потреблению алкоголя, наркотиков и других психотропных веществ и создание барьеров по распространению их негативного потребления, борьба с беспризорностью, реформирование системы детских домов, фактически выпускающих пре-

ступников, не приспособленных к современной жизни.

В продуманной государственной политике по демографическому развитию Сибири необходимо предусмотреть комплекс льготных мер по закреплению населения этого региона. Тем более что уже был такой опыт. Во времена строительства Транссиба семьи, прибывающие на поселение в восточные районы, имели долговременные льготы по аренде земли, на каждого нового члена семьи выделялась дополнительная земля, а юноши освобождались от службы в армии. Кстати, учитывая, что население Сибири достаточно неприветливо, для реализации названной цели необходимы не столь большие средства.

Эффективные наработки в этом отношении есть в Новосибирской, Омской, Томской областях в районах сельской местности. Здесь молодые специалисты получают не прямую денежную помощь, а косвенную — в виде материального кредита: готового дома, техники, земли. Кроме того, оплачивается получение специальности, если выпускники выбрали работу на селе или просто остались с семьей. Появился здоровый ребенок — списывается кредитный долг за четверть дома, второй — долг за половину дома. Важно также учитывать положение *Сибири как моста между Европой и Восточной Азией*.

Прежде всего следует определить, что можно предложить мировым рынкам. Первое — это даже не пресловутые природные ресурсы, но до сих пор неиспользованный географический потенциал. Теория центрального места объясняет преимущественное развитие городов и регионов тем, что им удалось замкнуть на себя транспортные и коммерческие потоки окружающих и отдаленных экономически разнородных регионов.

Фактор центральности особенно важен там и тогда, когда традиционные формы экономики себя исчерпали, когда город или регион попали в полосу бедности и кризисов. Суметь привлечь к себе транспортные потоки — вот шанс к развитию и расцвету в такой ситуации.

В современной геоэкономической перспективе Сибирь также следует рассматривать как центральное место между главными экономи-

ческими и демографическими гигантами Евразии, прежде всего Европой и Восточной Азией (Японией, Кореей, Китаем). Товарообмен между этими мировыми регионами будет неуклонно расти. Важно, что Сибирь и Новосибирск — это отнюдь не единственный и даже не главный претендент на использование шансов центрального места. Китай, Турция, Индия и Иран, Средняя Азия весьма активно работают в этом направлении (достаточно вспомнить форум в Баку о возрождении Великого шелкового пути, куда представителей России даже не пригласили). Однако даже при реализации различных южных проектов «нового шелкового пути» (Пекин — Анкара, минуя Россию) *спрос на российскую транспортную артерию останется*. (О данной перспективе писал в свое время академик Моисеев, недавно — М. Делягин, см. также детальную проработку идеи «великого кроссовочного пути» [4]).

Вывод отсюда следует весьма жесткий. Если в самое ближайшее время (5–10 лет) не будет предпринято попыток привлечь транзитные грузопотоки (прежде всего из Китая в Европу) по территории России, то трансконтинентальные дороги пройдут мимо нас, другие города будут расцветать, а Сибирь рискует остаться медвежьим углом в новой, пронизанной современными торговыми путями Евразии.

С проектами реконструкции Транссиба и постройки автобана Москва — Владивосток (с ответвлениями в Японию, Монголию, Китай и Корею) следует соединить переселение из наиболее суровых районов Сибири и Дальнего Востока, приглашение соотечественников из ближнего зарубежья прежде всего на линию Транссиба, где появятся новые рабочие места на строительстве новых железнодорожных путей и современных автотрасс, строительстве жилья, а затем — в обслуживании растущих грузопотоков между Европой и Восточной Азией.

Наконец, чтобы переломить неблагоприятные тенденции, прекратить отток населения из Сибири, осуществить постепенный возврат к простому, а затем и к расширенному естественному воспроизводству населения, недостаточно выравнивания уровня и условий жизни с соответствующими пока-

зателями европейской части страны. Подъем уровня жизни населения в Сибири должен идти с опережением, причем с высоким градиентом. Именно в данном регионе в первую очередь необходимо осуществлять такие меры, как снижение коммунальных тарифов (например, за счет отмены налогов для предприятий ЖКХ), освобождение пенсионеров от оплаты услуг ЖКХ, погашение за счет государства образовательных кредитов для молодых специалистов, приехавших работать (не менее чем на 5 лет) в Сибирь, проведение особой государственной жилищной политики, предусматривающей все виды льгот, особенно молодежи, для неотложного предоставления жилья одновременно с трудоустройством. В их числе предлагается, например, льготное индивидуальное домостроение, льготные кредиты на приобретение жилья молодым людям с погашением этих кредитов при рождении детей (например, за первого ребенка погашать 30 %, за второго — 60, за третьего — 100 %).

Становится все более очевидным, что вышеуказанные положения не могут быть реализованы в рамках господствующей в стране либерально-монетаристской парадигмы.

На наш взгляд, первейшей причиной того, что Сибирь приходит в запустение, является постулируемый руководством страны сугубо монетаристский подход (экономический либерализм), когда инвестиции осуществляются лишь при условии быстрой и хорошо прогнозируемой отдачи (получение прибыли). Однако осуществлять программу экономического возрождения и демографического развития Сибири, опираясь на постулаты «свободного рынка», — абсолютно пустая затея, потому что стать высокоприбыльной такая программа не может.

Следовательно, никакого интереса она она не может вызвать у отечественных олигархов. Позиция правительства в отношении данной проблемы неоднократно представлялась вялой, безразличной, маловразумительной. Если бывший министр экономического развития и торговли РФ Г. Греф утверждал, что «не может быть отдельного механизма для решения проблем Сибири» [20], то не стоит удивляться тому, что все программы развития Сибири остаются деклара-

тивными.

На наш взгляд, необходимость особого регионального подхода к развитию восточных районов страны является очевидной и необходимой.

Больше того, исторический опыт свидетельствует о наличии таких программ и их неукоснительном исполнении. При царизме переселенцам выделялись значительные подъемные средства, крестьянство и купечество не испытывали тяжелого налогового бремени. В советский период в Сибирь также привлекали людей низкими налогами и высокой заработной платой. На развитие инфраструктуры в те времена не жалели денег. Первая очередь Транссиба окупилась лишь в 1930-е гг. С либерально-монетаристской точки зрения, строить Транссибирскую магистраль вообще не имело никакого смысла, как, впрочем, и БАМ [8].

Таким образом, воплощение в жизнь всех вышеперечисленных и подобных им мер и предложений невозможно в условиях господства в стране идеологии и практики либерального фундаментализма. Для развития Сибири требуется обоснованная — социально-экономически, географически и геополитически — политика модернизации и возрождения. Кстати, здесь может быть использован опыт современного развития Китая и послевоенного возрождения стран Европы — Англии, Франции, Германии. Лишь на основе сильной государственной программы социально-демографического развития Сибири возможно их полноценное существование как неотъемлемой части великой России.

Считаем, что в районах нового освоения Сибири необходимо полностью отменить налоги. Для бюджета это будет потеря только 5 %. Но при этом условии — тратить региональные деньги нужно на территории региона. Кроме того:

- не призывать в ряды вооруженных сил молодежь из этих территорий;
- отменить ЕГЭ;
- предоставлять жилье для военнослужащих;
- строить социальное жилье для молодежи;
- русским, приезжающим из-за рубежа, сразу выдавать российские паспорта с обяза-

тельством прожить в регионе не менее 15 лет;
– освободить от необходимости выплачивать алименты гражданам, которые переезжают в Сибирь на постоянное место жительства.

Литература

1. Большакова А.А. Молодые города Иркутской области на фоне общих демографических процессов Иркутской области на фоне общих демографических процессов в Сибирском регионе // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2009. Вып. 14. С. 206-212.

2. Власов Г.П., Власова Н.Г., Власов Л.Г. Государственная политика в освоении новых районов

Сибири и практика по ее реализации. Братск, 2011. С. 7.

3. Лосев К.С. Экологические проблемы и перспективы устойчивого развития России в XXIV. М.: Космо-Информ, 2001. С. 25.

4. Власов Г.П., Власов Л.Г. Сибирь в евразийском мировом проекте. Братск: Изд-во БРГУ, 2013. С. 23.

5. Винокуров М. Иркутская область. Надо с умом использовать свои сырьевые преимущества // Аргументы недели. 2014. № 49. С. 25.

6. Винокуров М. Проблемы международных отношений в Евразии: взгляд из Сибири // Аргументы недели. № 24 (316). 28 июня.

7. Власов Г.П., Власов Л.Г. Транссибирские магистрали в системе новой геополитической модели мира: монография. Братск, 2009. С.17-24.

8. Симчера В. Как нам быть. «Подводные камни». Отечественная экономика // Завтра. 2014. № 1. С. 4.

УДК 94(571.5)

МТС Приангарья в послевоенные годы

С.В. Ковригина

Братский государственный университет, ул. Макаренко 40, Братск, Россия
sarapylova@br.ru

Статья поступила 29.10.2014, принята 18.11.2014

Рассматриваются вопросы деятельности машинно-тракторных станций (МТС) Приангарья в послевоенный период. Раскрываются формы и методы работы МТС, специфика регионального развития колхозного производства.

Ключевые слова: Сибирь; Приангарье; сельское хозяйство; послевоенный период; механизация; машинно-тракторные станции.

Machine and tractor stations of Angara River region in the post-war period

S.V. Kovrigina

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia
sarapylova@br.ru

Received 29.10.2014, accepted 18.11.2014

Activity of the machine and tractor stations of Angara River region in the post-war period has been studied. Forms and method of the work of the machine and tractor stations have been revealed. Specific character of the regional development of kolkhoz production has been presented.